

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Л.В. Гриченко*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

rgrichenko@yandex.ru

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ
В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ****[Lyudmila V. Grichenko****The image of females in Russian and English proverbs]**

It is described the image of females that exists in Russian and English proverbs. The analysis is based on comparative semantic and linguocultural analyses. It reveals the universality and specificity of the conventionally fixed representations of women in both cultures. In Russian and English cultures, proverbs about women describe the main stages of their life and position in the society, reflecting the importance of pointing to the social gender. Such proverbs are used to regulate women's further behaviour and social roles in society and family. Russian and English proverbial funds reveal a wide range of means for direct and indirect nomination of females, the latter are associated with stereotypical ideas about gender. A great number of different means of nomination shows the intersection of the zoomorphic, subject and anthropomorphic codes of both cultures.

Key words: proverb, gender, semantics, linguoculture, associations, stereotypes, universality, ethnospecificity.

В настоящее время понятие «гендер» получает широкое описание как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен (Ш. Берн, А.В. Кирилина, М.В. Томская, О.А. Воронина, О.А. Зыкова и др.), изучение которого особенно актуально на материале единиц провербиальных фондов. Исследование гендерных вопросов на стыке языка, культуры, фольклора и менталитета позволяет выполнить многоаспектный и комплексный анализ в рамках нескольких научных парадигм: лингвокультурологической, когнитивной, собственно лингвистической и, наконец, фольклористской.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью описания конвенционально закрепленных представлений о женщине в русской и

британской лингвокультурах, а также стремлением сопоставить данные представления, обнаружив их стереотипность и различия. Предметом данной статьи выступают представления о женщинах, зафиксированные в пословичных фондах британского и русского народа, объектом статьи являются особенности и способы актуализации данных представлений, обусловленные рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, различиями в когнитивных картинах мирах двух народов. Материалом исследования выступают пословицы русского и английского языков, содержащие представление о женщине. Объем общей выборки – 450 единиц. В основу анализа положены сопоставительный, семантический и лингвокультурологический анализы.

Гендерные представления в русских и английских пословицах отражают конвенционально закрепленную и устойчивую в сознании представителей лингвокультурного сообщества систему знаний о социальных ролях, правилах и нормах поведения, чертах характера, получающих одобрение в языковом и лингвокультурном коллективах: «пословицы возникли как рефлексия на значимую ситуацию или событие, явились указанием на моральные и нравственные нормы..., встречающиеся в них ценности – это коллективные конвенционально закрепленные национально-ориентированные и национально-детерминированные маркеры поведения, которые воспроизводятся и передаются будущим поколениям в готовом виде» [1, с. 109].

Понятие «гендер» тесно связано со сложным процессом формирования лингвокультурным обществом различий в мужских и женских социальных ролях, поведении, характеристиках и установках. Понимаемый под гендером социальный пол не только детерминирует поведенческие характеристики лиц мужского и женского пола, но и определяет то, каким образом они воспринимаются представителями лингвокультуры. Учитывая, что основная задача пословиц наставлять, побуждать и оценивать, поведенческие установки, зафиксированные в обоих пословичных фондах, отражают стереотипные и конвенционально закрепленные значимые представления о разделении социальных ролей в обществе и семье.

В этом смысле пословичные фонды различных языков выступают идеальным материалом для анализа, их единицы фиксируют наивные представления народа, а также идущее из глубины веков понимание социальных ролей, в соответствии с которым ведется разделение труда и обязанностей в обществе и

семье. Сопоставительный анализ единиц пословичных фондов выступает ключом к разгадке существующих представлений о правилах и стереотипах поведения, ценностных и ассоциативно-образных предпочтениях. Учитывая то, что гендерные роли и нормы не имеют универсального содержания в различных культурах, а также с течением времени могут претерпевать изменения, актуальным представляется обращение к их анализу. Анализируя содержание и тематику русских и английских пословиц, содержащих представления о лицах женского пола, очевидной оказывается их ориентация на регуляцию бытовых и внутрисемейных отношений и ролей, описание ведения хозяйства, а также правил поведения в обществе и семье. В своей совокупности русские и английские пословицы о женщинах либо описывают черты характера и качества, которыми должна обладать/не обладать представительница женского пола, либо побуждают к какому-либо поведению, констатируют или оценивают его.

К качествам женского характера, традиционно получающим положительную оценку в пословичном фонде русского языка, относятся доброта, хозяйственность, трудолюбие, щедрость, покорность: *Не та хозяйка, которая говорит, а которая щи варит* [3, с. 554, Т.2]; *Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет* [3, с. 568, Т.2]; *Смиренье – девичье ожерелье* [3, с. 167, Т.3]. В пословичном фонде английского языка не фиксируется однозначный набор качеств, которыми должна обладать девушка/женщина, однако указывается на обязательность ведения ею хозяйства и трудолюбие: *The wife is the key of the house* [6, с. 173]; *A woman's work is never done* [6, с. 293]; *Men make houses, women make homes* [6, с. 294].

Качества женского характера, которые резко порицаются и получают отрицательную аксиологическую маркированность, совпадают в обеих лингвокультурах (сварливость, болтливость, злость, капризность, бесхозяйственность и праздность): *Три бабы базар, а семь – ярмарка* [3, с. 64, Т.2]; *Бабий язык, куда ни завались, достанет* [3, с. 65, Т.2]; *На женские прихоти не напасешься* [3, с. 66, Т.2]; *Лучше раздражить собаку, нежели бабу* [3, с. 67, Т.2]; *Better to live on the roof than share the house with a nagging wife* [6, с. 65]; *House goes mad when women gad* [6, с. 293]; *A woman's tongue is the last thing about her that dies* [6, с.292]. В британской лингвокультуре также указывается на недостаток рассудительности и ума у женщин: *Women have long hair and short brains* [6,с.292]; *A woman's thoughts are afterthoughts* [6, с. 292]. При

этом в русской лингвокультуре женский ум относится к качествам, имеющим амбивалентную аксиологическую маркированность: *Понятливу девку недолго учить* [3, с. 238, Т.2]; *Женский ум лучше всяких дум* [3, с. 238, Т.2].

Семантический анализ компонентного состава русских и английских пословиц о женщинах обнаруживает частое использование многозначной лексики (*добрый, хороший* – в русском языке, *good* – в английском): *С доброю женой и горе не горе* [3, с. 558, Т.2]; *Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не видать* [3, с. 556, Т.2]; *A good wife and health is man's best wealth* [6, с. 167], *A good wife makes a good husband* [6, с. 22]; *Take a vine of a good soil, and the daughter of a good mother* [6, с.171]. Лексические единицы (*good, хороший, добрый*) обладают богатой семантикой и могут использоваться в различных значениях: «добрый – делающий добро, отзывчивый; несущий благо и добро; хороший, нравственный; милый; хороший, отличный...» [4, с. 148]; «good – of a good quality or standard; able to do smth. well; having the necessary qualities; honest and morally correct» [5, с. 648]. Указанная полисеманτικότητα подразумевает внеконтекстуальную обобщенность семантики прилагательного, позволяющую в контексте подразумевать одно из потенциально заложенных значений, выступая иллюстрацией черт характера представительниц женского пола (доброта, отзывчивость, радушие, покладистость, нравственность).

В аспекте семантического и лингвокультурологического анализов интересны русские пословицы с противопоставлением положительно маркированных характеристик, а также пословицы с противопоставлением различных периодов жизни женщины. Так, в русских пословицах красота нередко противопоставляется уму или доброте: *Красота приглядится, а ум пригодится* [3, с. 558, Т.2]; *Не ищи красоты, ищи доброты* [3, с. 554, Т.2]; *На красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко* [3, с. 555, Т.2], свое закрепление получает и тезис о том, что красота девушки значима только в юности, до замужества: *Девушка красна до замужества* [3, с. 435, Т.2]; *Красота – до венца, а ум – до конца* [3, с. 532, Т.2]. Учитывая, что замужество традиционно ассоциировалось с домашним трудом, хлопотами по хозяйству, рождением детей, то в первую очередь важно было иметь ум и смекалку. Как следствие, в русской лингвокультуре определенная социальная роль женщины детерминирует облигаторность отдельных черт характера (хозяйственность, ум, сноровка) и изменение ценности и значимости других качеств.

Кроме того, в пословичном фонде русского языка качественно разграничиваются этапы жизни девушки и женщины, что ведет к появлению пословиц, в которых противопоставлена жизнь девушки в родительском доме жизни замужем: *Замуж идет – песни поет, а вышла – слезы льет* [3, с.234, Т.3]; *Здравствуй, в красном: наживай голубой за мужниной головой* [3, с. 235, Т.3]; *У батюшки девка промеж пальчиков, у мужа в руках* [3, с. 233, Т.3]. Подобных пословиц, указывающих на связанное с изменением социальной роли девушки изменение положения в обществе или семье, на материале английского языка не было обнаружено.

В обеих лингвокультурах способы номинации лиц женского пола отражают социальный статус представительниц женского пола в семье и обществе и/или возраст и в большинстве своем совпадают (*девка, молодка, баба, невеста, дочь, жена, мать, сестра, вдова, хозяйка, wife, lass, mother, grandmother, maid, widow, daughter, mistress, lady*): *Дочку в колыбельку – приданое в корытце* [3, с. 235, Т.3]; *Коли изба крива – хозяйка плоха* [3, с. 571, Т.2]; *Невеста родится, жених на коня садится* [3, с. 232, Т.3]; *Сестра при брате не вотчинница (наследница)* [3, с.543, Т.2]; *Девкой меньше, так бабой больше* [3, с. 231, Т.3]; *All are good lasses, but whence come the bad wives?* [6, с. 27]; *Don't teach your grandmother to suck eggs* [6, с. 94]; *Every mother thinks her own gosling a swan* [6, с.108]; *A maid marries to pleasure her parents; a widow to pleasure herself* [6, с. 171]; *It's not good manners to show your learning before ladies* [6, с. 34].

Вместе с тем, пословичный фонд русского языка характеризуется большим разнообразием номинаций лиц женского пола, которые позволяют дифференцировать социальный статус, возраст, положение в семье (*девка – незамужняя девушка, молодка – только что вышедшая замуж и т.д.*), а также характеризуются значительным коннотативным потенциалом и особой экспрессивностью (*девка – девушка – молодка, баба – бабка, жена – жenuшка, мать – матка – матушка, сестра – сестрица, дочь – дочка*): *Бабы каются, а девки замуж собираются* [3, с. 229, Т.2]; *Худая матка всему дому смятка* [3, с. 570, Т.2]. Подобное разнообразие номинаций обусловлено как когнитивными представлениями, так и словообразовательными возможностями русского языка, которые позволяют вербализовывать самые тонкие оттенки значений, обуславливая лингвокультурологические различия языковых и пословичных картин мира двух народов.

Особенность пословичного фонда английского языка составляют существительные без гендерной маркированности в единственном числе (*cousin*), которые в русском языке имеют родовые различия, например, *кузен/кузина*: *Cousin seven times removed* [6, с. 21]; частое использование существительных *child, baby* в единственном и множественном числе: *A child's service is little, yet he is no little fool that despises it* [6, с. 29]; *Don't empty the baby out with the bath water* [6, с. 92]; *Children and chicken must always be picking* [6, с. 78]; а также нерегулярность единиц *son, daughter*, указывающих на гендерную принадлежность лица: *A son is a son till he gets him a wife, but a daughter is a daughter all the days of her life* [6, с. 29].

На материале русского языка для обозначения детей используется преимущественно форма множественного числа *дети* и ее дериваты (*детки, детушки*): *Дети от одной матери и те разные бывают* [3, с. 53, Т.2], а также единицы *сын, дочь* и их дериваты, указывающие на гендерную принадлежность: *Дочку сватать – за матушкой волочиться* [3, с. 233, Т.3]; *Дочь – отцу, матери не корысть (не кормилица)* [3, с. 226, Т.3]. Таким образом, в пословичном фонде русского языка обнаруживается тенденция к указанию на пол уже в детском возрасте. Как следствие, предписываются нормы поведения и указывается на разделение социальных ролей в обществе и семье.

Помимо перечисленных наименований, формирующих образ женщины, в русской и британской лингвокультурах существует ряд образных наименований, дополняющих эти представления: «образность пословиц, наличие метафорических и метонимических переносов способствуют передаче не только информационной, но и эмоционально-оценочной составляющей значения, напрямую связанной с культурологическим содержанием высказывания» [2, с. 111-112]. Речь идет о метафоричных обозначениях, соответствующих зооморфному или предметному кодам культуры, знание о которых прочно закрепились в конвенциональных установках лингвокультурного сообщества. В обоих пословичных фондах встречаются наименования, которые соотносятся с предметами быта и хозяйственной утварью и традиционно ассоциируются с женским трудом, а также зооморфные метафоры, основанные на стереотипных образных и ассоциативных представлениях, в том числе и относительно гендерной принадлежности: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь* [3, с. 56, Т.2]; *Смирен топор, да веретено бодливо* [3, с. 65,

Т.2]; *Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак* [3, с. 65, Т.2]; *A new broom sweeps clean* [6, с. 35]; *A cursed cow has short horns* [6, с. 115]. Концептуальная дифференциация существительных по родовому признаку ярко проявляется при образных обозначениях и, как правило, легко распознается представителями лингвокультурного сообщества.

У некоторых существительных английского языка род выражен лексически и выводится из лексического значения в совокупности с ассоциациями, основанными на метафорическом употреблении таких единиц, возможным становится определение родовой принадлежности существительного и обозначение лиц женского пола в пословичных фондах: *Eat the calf in the cow's belly* [6, с. 101]; *Fussy as a hen with a chick* [6, с.121]; *The grey mare is the better horse* [6, с.173]; *It is a sorry flock where the ewe bears the bell* [6, с. 173].

В русском языке род существительных выражается грамматически, кроме того, указание на него может содержаться в семантике языковой единицы (*конь – кобыла, курица – петух, бык – корова*): *На леченой кобыле немного уедешь* [3, с. 111, Т. 3]; *Черная корова, да белое молочко* [3, с. 104, Т. 3]; *Хороша курочка перьем, а мясом – еще лучше* [3, с. 109, Т. 3].

Итак, закрепленные в пословичных фондах русского и английского языков представления о женщине описывают этапы ее жизни и положение в обществе. Способы номинации лиц женского пола в обеих лингвокультурах характеризуются универсальностью и специфичностью, обусловленной как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В русской лингвокультуре уже на уровне когнитивной картины мира, а затем и языковой значимым оказывается указание на социальный пол в течение всей жизни, что влечет большое разнообразие наименований для обозначения лиц обоих полов. В пословичном фонде английского языка применительно к детям частотны наименования без указания на пол.

Представления об отрицательных чертах характера представительниц женского пола совпадают в пословицах обоих языков, характеристика же положительных качеств в русской лингвокультуре значительно шире. В обоих пословичных фондах для описания черт женского характера широко используются многозначные лексические единицы с максимально обобщенной семантикой вне контекста. В русских и английских пословицах представления о женщине формируются не только языковыми средствами, в семантике которых заложены

но указание на пол, но и рядом образных наименований, традиционно относящихся в зооморфному и предметному кодам культуры, которые ассоциативно связаны со стереотипными представлениями о гендерной принадлежности.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Гриченко Л.В.* Русские и английские пословицы с зооморфной метафорой: универсальность и этноспецифика оценочности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 1 (114).
2. *Гриченко Л.В.* Черты русского национального характера и их представление в пословичной картине мира // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4.
3. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1993.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка М., 2011.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London, 2007.
6. The Penguin Dictionary of Proverbs // Ed. by J. Low. London, 2000.

R E F E R E N C E S

1. *Grichenko L.V.* Russian and English proverbs with zoomorphic metaphor: universality and ethnospecificity of evaluation // Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and art history. 2013. No. 1 (114).
2. *Grichenko L.V.* Traits of the Russian national character and their representation in the proverbial picture of the world // The Humanities and social sciences. 2017. No. 4.
3. *Dal V.I.* Proverbs of the Russian people. M., 1993.
4. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language M., 2011.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London. 2007.
6. The Penguin Dictionary of Proverbs // Ed. by J. Low. London. 2000.

24 июля 2019 г.